

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Многих еще долго будут мучить воспоминания о тех двух днях в начале октября.

Во вторник Бен Росселли — президент банка «Фёрст меркантайл Америкен» — сообщил страшное известие, которое не только изменило общую ситуацию в банке, но и получило широкий резонанс за его пределами.

На следующий день, в среду, на «флагманском корабле» банка — в его центральном отделении — был обнаружен вор, и это событие тоже повлекло за собой череду непредвиденных событий, результатом которых стали разорение, трагедия и смерть.

Итак, по порядку.

Заявление президента банка явилось полной неожиданностью, поскольку — как ни странно — никакой информации заранее не просочилось. Рано утром Бен Росселли позвонил некоторым из старших управляющих; нескольких он застал дома за завтраком, остальных — на работе. Бен обзвонил и тех, кого считал своими друзьями: это были служащие, ветераны банка, не входившие в аппарат управления.

Каждому он говорил одно и то же: «Пожалуйста, будьте сегодня в одиннадцать утра в башне, в конференц-зале».

И вот около двадцати человек собрались в конференц-зале, не хватало только самого Бена; собравшиеся

тихонько переговаривались, стоя небольшими группками. Никто не решался первым отодвинуть стул от сияющего стола, за которым заседал совет директоров; стол, рассчитанный на сорок человек, был длиннее площадки для игры в сквош.

— Кто разрешил? — раздался резкий голос.

Все повернули головы. Эти слова были произнесены Роско Хейвордом, исполнительным вице-президентом, и относились к облаченному в белый смокинг официанту из ресторана для администрации. Официант разливал херес в бокалы.

— Распоряжение мистера Росселли, сэр, — ответил официант. — Он велел подать самый лучший херес.

Коренастый человек в модном светло-сером костюме, обернувшись, непринужденно бросил:

— Не стоит отказываться от самого лучшего.

Это был другой исполнительный вице-президент, Алекс Вандерворт. За его добродушной, неофициальной, что называется своей, манерой держаться скрывались твердая воля и решительность. Оба — Хейворд и Вандерворт — состояли во втором эшелоне управления, который шел вслед за президентским, и хотя каждый из них имел за плечами солидный опыт и служил общему делу, они были соперниками.

Это соперничество пронизывало весь банк — у каждого были группы союзников на более низких ступенях субординации.

Алекс взял два бокала хереса, передав один брюнетке с великолепной фигурой — Эдви́не Д'Орси, которая занимала крупный пост в структуре «ФМА».

Эдвина заметила, что Хейворд бросил на нее злобный взгляд.

«Ну и пусть», — подумала она; Роско знал, что Эдвина верно служила лагерю Вандерворта.

— Спасибо, Алекс, — сказала она, взяв стакан.

С минуту в воздухе висело напряжение, затем остальные последовали их примеру. Лицо Роско Хейворда сер-

дито вытянулось. Он как будто собрался что-то сказать, но передумал.

Вице-президент, шеф службы безопасности Нолан Уэйнрайт, высоченный негр с внешностью Отелло, громко объявил:

— Миссис Д'Орси, джентльмены, мистер Росселли. Гул голосов стих.

Бен Росселли стоял в дверях и, обводя взглядом присутствующих, слегка улыбался. Он, как всегда, являл собой образец эдакого отеческого благодушия и прочной надежности — человека, которому тысячи сограждан могут вверить свои деньги. Этот образ государственного мужа и банкира подчеркивала неизменная черная тройка, а на жилете — золотая цепь от часов, спрятанных в нагрудном кармашке.

Однако сегодня Бен Росселли не излучал своей обычной энергии. Он опирался на трость — такого еще не видел ни один из присутствующих.

Он протянул руку, по-видимому, намереваясь придвинуть к себе один из массивных директорских стульев. Но его опередил Нолан Уэйнрайт; тихо поблагодарив, президент сел.

— Это неофициальная встреча. Долго я вас не задержу. Пожалуйста, можете садиться. Ах да, спасибо. — Последняя фраза была адресована официанту, который подал ему бокал хереса и вышел, закрыв за собой дверь.

— Мы собрались явно для того, чтобы что-то отпраздновать, — сказал Алекс Вандерворт. — Осталось только выяснить — что.

На лице Бена Росселли вновь мелькнула улыбка.

— Хорошо, если б так, Алекс. Я подумал, что это тот самый случай, когда выпить не помешает.

Он помолчал, и внезапно всех охватила тревога. Было ясно, что это не простое совещание. На лицах отразились неуверенность и беспокойство.

— Я умираю, — сказал Бен Росселли. — Доктора говорят, мне осталось недолго. Я решил, что все вы долж-

ны об этом знать. — Он поднял бокал и, помолчав в задумчивости, отпил глоток хереса.

Если до сих пор в конференц-зале царила тишина, то сейчас молчание стало гробовым. Никто не двинулся с места, не проронил ни звука.

Старый Бен подался вперед, опершись на трость.

— Ваше смущение излишне. Мы все старые друзья, потому-то я вас и собрал. И хочу предупредить естественные вопросы: то, что я сказал, совершенно определенно — если бы я надеялся хоть на малейший шанс, то не стал бы спешить. Догадываюсь, что еще может вас интересовать: у меня рак легких, и к тому же запущенный. Вряд ли я доживу до Рождества. — Он замолчал, и вдруг стало заметно, как он слаб и изможден. Росселли добавил более мягко: — Сейчас, когда вы все знаете, можете передать остальным.

Эдвина Д’Орси подумала, что не успеет опустеть конференц-зал, как новость разлетится со скоростью степного пожара. Известие не оставит равнодушным никого — одних оно искренне опечалит, другие отнесутся к нему более прагматично; что касается Эдвины, она была потрясена и чувствовала, что все остальные — тоже.

— Мистер Бен, — наконец отважился один из «стариков». Поп Монроу был старшим клерком в отделе кредитования; голос его дрожал: — Мистер Бен, изрядно вы нас озадачили, нечего сказать. По-моему, никто толком и не знает, как реагировать.

Раздался гул голосов, почти стон, выразивший одновременно и согласие, и сочувствие.

Его перекрыл голос Роско Хейворда:

— Однако мы можем и должны сказать, — в его тоне прозвучало нечто похожее на упрек, словно остальным следовало дожидаться, пока он заговорит первым, — эта ужасная новость нас ошеломила и опечалила, но нашими молитвами со временем ситуация может измениться к лучшему, и у всех нас появится надежда. Ведь ни для кого не секрет, что мнение докторов редко бывает безо-

шибочным. А медицинская наука может приостановить, даже излечить...

— Роско, я же сказал: через все это я уже прошел, — перебил его Бен Росселли, впервые выказав раздражение. — Что касается врачей, то это были сливки медицины.

— Бен, мы все огорчены, — сказал Алекс Вандерворт. — Мне крайне неловко за свои слова.

— Насчет празднования? Полно! Ты ведь не знал. — Старик усмехнулся. — А кроме того, почему бы и нет? Я прожил хорошую жизнь, не каждому это удастся, так что у нас, безусловно, есть повод. — Он ощупал карманы пиджака и огляделся по сторонам. — У кого-нибудь найдется сигарета? Врачи не дают мне курить.

— Может, все-таки не стоит? — спросил Роско Хейворд.

Бен Росселли бросил на него насмешливый взгляд, ничего не ответив. Ни для кого не было секретом, что, хоть старик и ценил способности Хейворда, отношения между ними всегда были весьма прохладными.

Алекс Вандерворт прикурил сигарету и протянул ее президенту. Глаза Алекса были влажными.

— В таких случаях тоже есть чему радоваться, — заметил Бен. — Во-первых, ты получил предупреждение и у тебя есть время довести до конца начатые дела. Хотя, с другой стороны, конечно, есть о чем пожалеть.

Причины для сожаления были всем известны: у Бена Росселли не было наследника. Единственного сына он потерял во время Второй мировой войны, а позднее, во Вьетнаме, погиб внук, на которого он возлагал большие надежды.

Старик зашелся кашлем. Нолан Уэйнрайт, стоявший ближе, взял сигарету из его трясущихся пальцев и затушил. Теперь все увидели, каких физических усилий стоила Бену Росселли сегодняшняя встреча.

То было его последнее посещение банка, хотя тогда никто об этом и не догадывался.

Все подходили к нему по очереди, с нежностью пожимая руку и подыскивая слова. Когда настал черед Эдвины Д'Орси, она поцеловала его в щеку, и старик заморгал.

2

Роско Хейворд одним из первых покинул конференц-зал. Перед исполнительным вице-президентом стояли две неотложные задачи.

Первая — обеспечить плавный переход власти в другие руки после смерти Бена Росселли. Вторая — добиться собственного назначения на пост президента и главы администрации.

Хейворд и без того был крепким кандидатом. Но таковым был и Алекс Вандерворт, и, возможно, среди служащих банка у Алекса было больше сторонников. Однако Хейворд полагал, что в совете директоров — а это главное — его шансы на успех выше.

Мудрый банковский политик, обладающий аналитическим, хватким умом, Хейворд приступил к составлению плана действий уже во время собрания в конференц-зале. Теперь он направлялся в свой кабинет. Усевшись за стол, он вызвал старшую из двух секретарш, миссис Каллаган, и отрывисто продиктовал ей свои распоряжения.

Во-первых, она должна была обзвонить всех членов совета директоров — Роско Хейворд переговорит с каждым из них по очереди. Список директоров лежал перед ним на столе.

Во-вторых, закрыть дверь к нему в кабинет, что было странно, так как в «ФМА» издавна культивировалась традиция открытых дверей.

Сегодня утром Хейворд сразу обратил внимание на то, что помимо представителей администрации в конференц-зале присутствуют только два члена совета директоров «Фёрст меркантайл Америкен». Оба они были

близкими друзьями Бена Росселли, потому, разумеется, он их и пригласил. Однако это означало, что остальные пятнадцать еще не знают о его приближающейся смерти. Хейворд позаботится о том, чтобы все они услышали это известие из его уст.

Он исходил из двух соображений: первое — новость была столь неожиданной и ошеломляющей, что между тем, кто ее сообщит, и тем, кто услышит, непременно возникнет ощущение близости. Второе — некоторых директоров может задеть то, что рядовым служащим «ФМА» в некотором смысле оказали предпочтение. На этом-то и собирался сыграть Роско Хейворд.

Раздался первый телефонный звонок. Он снял трубку и начал говорить. За этим звонком последовал другой, потом еще и еще.

Через полчаса Роско Хейворд серьезно сообщал до-стопочтенному джентльмену Харольду Остину:

— Конечно, все мы ужасно расстроены и находимся в полном смятении. То, что поведал нам Бен, кажется просто невозможным, нереальным.

— Господи! И самому об этом рассказать!

Харольд Остин был одним из столпов города, он принадлежал к третьему поколению хорошей семьи и когда-то был избран в конгресс на один срок — отсюда и титул «достопочтенный джентльмен», который доставлял ему известное удовольствие. Сейчас он являлся владельцем крупнейшего в стране рекламного агентства и ветераном совета директоров банка, где пользовался значительным влиянием.

Хейворд поспешил ухватиться за последнюю реплику Харольда:

— Я разделяю ваше недоумение. Честно говоря, меня самого это удивило. И наиболее странным мне показалось то, что директоров не известили первыми. Я счел своим долгом незамедлительно довести это до вашего сведения и до сведения остальных.

На суровом лице Хейворда с орлиным профилем появилось сосредоточенное выражение, серые глаза за стеклами очков были холодны.

— Согласен с вами, Роско, — произнес голос на другом конце провода. — Я считаю, что как раз нам следовало бы сообщить в первую очередь, я ценю вашу предупредительность.

— Спасибо, Харольд. В такие минуты никогда не знаешь, как лучше поступить. Правда, одно обстоятельство не вызывает сомнений — кто-то должен взять на себя руководство банком.

Хейворду весьма удавался фамильярный тон. Сам он происходил из хорошей семьи и умел разговаривать с властью имущими. Хейворд гордился своим социальным положением и знакомствами с высокопоставленными лицами, в том числе в Вашингтоне. Кроме того, ему нравилось напоминать окружающим, что он является прямым потомком одного из составителей Декларации независимости.

Он продолжал:

— Необходимость оповещения членов совета директоров диктуется еще одной причиной: эта печальная новость наверняка получит широкий резонанс. Причем в скором времени.

— Несомненно, — согласился достопочтенный джентльмен. — Не исключено, что к завтрашнему дню об этом пронюхает пресса и журналисты будут донимать нас вопросами.

— Вот именно. А неверно поданная информация может сбить с толку вкладчиков и понизить наши акции.

— Хм...

Роско Хейворд почти слышал скрип шестеренок в мозгу своего собеседника. Тресту «Остин фэмили», возглавляемому достопочтенным Харольдом, принадлежал крупный пакет акций «ФМА».

— Конечно, если совет, — продолжал заседать Хейворд, — предпримет энергичные меры, с тем чтобы рассеять сомнения общественности, то все может сойти гладко.

— Но только не для друзей Бена Росселли, — сухо напомнил ему Харольд Остин.

— Я же сейчас совершенно другое имел в виду. Уверяю вас, я скорблю не меньше вашего.

— Что вы предлагаете, Роско?

— Главное, Харольд, — не допустить безвластия. Другими словами, президентское кресло не должно пустовать ни одного дня. При всем нашем уважении и симпатии к Бену этот банк слишком долгое время ассоциировался с единоличным управлением. Разумеется, уже многие годы это не соответствует действительности: банк бы никогда не попал в число двадцати крупнейших банков страны, руководи им только один человек. Благодаря сложившейся ситуации, как бы тяжела она для нас ни была, у совета директоров появляется возможность развеять этот миф.

Хейворд чувствовал, что его собеседник лихорадочно соображает. Он отчетливо представлял себе Остина — немолодой красавец и шеголь, с длинной ухоженной шевелюрой, он словно сошел с обложки рекламного журнала. Наверняка он, как всегда, попыхивал огромной сигарой. Однако и достопочтенного Харольда еще никто и никогда не оставлял в дураках — он имел репутацию проницательного, преуспевающего бизнесмена.

— Что касается безвластия, — наконец отозвался Харольд, — по-моему, вы правы. Согласен, что необходимо решить, кто же будет преемником Росселли, и, может быть, даже объявить фамилию до кончины Бена.

Хейворд напряженно слушал.

— Думаю, что лучшей кандидатуры, чем вы, Роско, нам не найти. Я пришел к этому выводу уже давно. Вы обладаете всеми необходимыми качествами: у вас есть опыт и твердый характер. Так что я намерен голосовать за вас, кроме того, я сумею убедить некоторых членов совета последовать моему примеру. Полагаю, вы не будете возражать.

— Я, конечно, благодарен...

— Не исключено, что взамен я могу попросить *quid pro quo**.

— Логично.

— Вот и славно. Значит, мы поняли друг друга.

Повесив трубку, Роско Хейворд счел состоявшуюся беседу в высшей степени удачной. Харольд Остин был человеком последовательным и умел держать слово.

Не менее удачными были и все предыдущие разговоры. А во время беседы с Филипом Джоханнсеном, президентом компании «Мидконтинент раббер», появилась возможность разыграть дополнительный козырь. Джоханнсен откровенно признался, что всегда недолюбливал Алекса Вандерворта, чьи взгляды, с его точки зрения, были чересчур левыми.

— Алекс действительно таков, — подтвердил Хейворд. — Да и в его личной жизни творится бог знает что. Впрочем, по-моему, это вполне закономерно.

— А что у него за проблемы?

— Женщины.

— Это важно, Роско. Все останется между нами. Говорите.

— Ну, во-первых, у Алекса не все благополучно в семье. Во-вторых, у него есть любовница. В-третьих, она левая активистка, часто попадает в газеты, причем в контексте, который вряд ли может пойти банку на пользу. Иногда я задаюсь вопросом: сколь велико ее влияние на Алекса?

— Хорошо, что предупредили, Роско. Совет директоров непременно должен узнать об этом. Так, значит, левая активистка?

— Да. Марго Брэкен.

— Кажется, я о ней слышал. Причем в восторг меня это не привело.

Хейворд улыбнулся.

---

* Услуга за услугу (*лат.*). — Здесь и далее примеч. пер.

Однако когда он дозвонился до Леонарда Л. Кингсвуда, председателя совета директоров компании «Нортэм стил», его радость несколько омрачилась.

Кингсвуд, который начинал чернорабочим на сталелитейном заводе, в ответ на замечание Хейворда, что Бену Росселли следовало в первую очередь собрать директоров, резко его оборвал:

— Не говорите ерунды, Роско. На месте Бена я бы поступил точно так же. Прежде всего такие вещи говорят самым близким людям, а уж потом — директорам и прочим важным птицам.

По поводу же возможного падения акций «Фёрст меркантайл Америкен» Лен Кингсвуд возразил:

— Ну и что? Они наверняка опять поднимутся в цене в течение недели — ведь банк-то в полном порядке, и реальная стоимость акций останется прежней. Это понятно всякому, кто мало-мальски в нашем деле разбирается. Роско, вся ваша игра шита белыми нитками, а потому, дабы не тратить попусту время, выскажусь без обиняков. Вы прекраснейший финансист — лучшего специалиста в банковском деле я не знаю. Если когда-нибудь вы захотите перейти к нам в «Нортэм» — на более высокую зарплату плюс процент, я смещу кого надо и вы возглавите нашу финансовую службу. Это и предложение, и обещание. Я не шучу. Однако при всех ваших достоинствах, Роско, вы по натуре не лидер. Во всяком случае, я так считаю и буду отстаивать свое мнение на заседании совета при обсуждении вопроса о преемнике Бена. Скажу больше, я буду голосовать за Вандерворта. И не намерен это от вас скрывать.

— Спасибо за откровенность, Леонард, — спокойно ответил Хейворд.

— А если вы всерьез отнесетесь к моему предложению, звоните в любое время.

Роско Хейворд вовсе не собирался делать ставку на «Нортэм стил». После жестокого приговора, только что вынесенного Леонардом Кингсвудом, он никогда не со-

гласится на это из самолюбия, хотя деньги и имеют для него значение. А кроме того, он был преисполнен непоколебимой уверенности в том, что ему уготована главенствующая роль в «ФМА».

Вновь зазвонил телефон. Он снял трубку, и Дора Каллаган сообщила, что на проводе еще один директор: «Мистер Флойд Леберр».

— Флойд, — начал Хейворд тихим, серьезным голосом, — с глубоким прискорбием извещаю вас о постигшем нас горе...

3

Не все покинули конференц-зал с той же поспешностью, что Роско Хейворд. Некоторые задержались в коридоре и тихо беседовали, потрясенные услышанным.

Алекс Вандерворт подошел к Эдвине и указал в сторону своего кабинета, находившегося рядом. Кабинеты руководителей банка располагались на том же этаже, что и конференц-зал, — на 36-м, в административной башне.

— Хочешь заглянуть ко мне на пару минут?

— Да, с удовольствием, — ответила она.

Алекса и Эдвину связывала давняя дружба. И несмотря на то что Эдвина, возглавлявшая центральное отделение «ФМА», стояла на несколько ступеней ниже Алекса в банковской иерархии, он всегда держался с ней на равных, а в вопросах, касающихся ее «вотчины», имел дело непосредственно с ней, минуя бюрократическую машину.

— Алекс, — поддела его Эдвина, — должна заметить, ты совсем отошал.

Добродушная улыбка осветила его гладкое, круглое лицо.

— Бросается в глаза, да?

Алекс Вандерворт был любителем вечеринок и приемов, знал толк в еде и винах. К сожалению, он быстро набирал вес. Периодически Алекс садился на диету, сей-

час как раз был один из таких периодов. Словно по негласному соглашению, они нарочито избегали говорить о том, что сильнее всего волновало обоих.

— Как в этом месяце идут дела в отделении? — спросил он.

— Отлично. Я преисполнена оптимизма в отношении следующего года.

— А что Льюис думает по этому поводу?

Льюис Д'Орси, муж Эдвины, был владельцем и издателем популярного среди вкладчиков бюллетеня.

— Он настроен весьма мрачно. Предвещает новое падение доллара.

— Я с ним согласен. Видишь ли, Эдвины, беда американских банков заключается в том, что мы не поощряем вклады в иностранной валюте — швейцарских франках, немецких марках и так далее, — как это делают европейские банки. Мы идем навстречу только большим корпорациям, которые знают, как надавить. Что же касается средних и мелких вкладчиков, для них такие уступки делаются редко, если вообще делаются. Начни мы открывать счета в европейских валютах десять или даже пять лет назад, многие из наших клиентов не проигрывали, а выигрывали бы при колебаниях курса доллара.

— А министерство финансов не будет возражать?

— Вероятно, будет. Но под давлением общественного мнения оно пойдет на попятную. Это уже проверено.

— Ты когда-нибудь затевал разговор на эту тему — чтобы больше вкладчиков имели счета в иностранных валютах?

— Однажды. Но безуспешно. Для нас, американских банкиров, доллар, каким бы слабым он ни был, остается святыней. А это все равно что зарываться головой в песок, люди же теряют при этом деньги. Лишь самые прозорливые догадались открыть счета в швейцарских банках, прежде чем доллар начал обесцениваться.

— Я много об этом думала, — сказала Эдвины. — Всякий раз, когда доллар падал, банкиры знали заранее, что